

Ольга Гудкова

БЛАГОРОДНЫЙ
МОШЕННИК

Ольга Гудкова

Благородный мошенник

«Автор»

2026

Гудкова О.

Благородный мошенник / О. Гудкова — «Автор», 2026

Жизнь Ивана Лазаря – беглого крепостного крестьянина, вора, народного мошенника, буяна, любимца толпы и негласного управителя темных улиц Москвы середины XVIII века - не раз устраивала ему вызовы. Но с каждым он успешно справлялся, проделав путь от ярморочного воришки до тайного агента сыскного приказа. Под прикрытием работы в полицмейстерской канцелярии на благо борьбы властей с разгулом мошенничества в городе, Иван возвел величайшую воровскую империю, заработав огромный авторитет в Московском преступном мире. Его успеху вызвался помешать старинный поделщик - Василий Голый, сдать властям которого стало личным делом Лазаря. Помехой к успешному исходу явился визит с проверкой столичного капитана драгунов князя Буракина, с которым Лазарь однажды пересекался за карточным столом, и от той трагической встречи на память Ивану осталась повязка, скрывающая ослепший левый глаз парня. Иван понимает, что отныне на кон поставлена не только его империя, но и жизнь.

© Гудкова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Ольга Гудкова

Благородный мошенник

Глава 1

Москва, 1742 год

Медведь скользнул по Ваньке равнодушным взором, смиренно ожидая финальный этап ярморочной потехи – борьбу с хозяином – толстым неповоротливым мужиком, неожиданно ладно растачавшим шутки во время представления. Ванька же наоборот, замер, глядя на зверя, позабыв о цели, оставив на миг погоню за Васькой Голым – карманником опытным, да в последнее время на лихие дела смертоубийственные переключившимся. За что и принял решение агент сыска приказать сдать полицмейстерской канцелярии своего знакомого старинного для свершения суда над ним. Голым прозвали Василия за то, что все свои кражи, да проникновения в дома богатые совершал голыми руками, без ножинок и прочих железок. А сейчас не голый он стал, а кровавый, за то и наказание понести должен. Не любил Ванька Лазарь душегубцев, украсть – знал на собственном опыте – можно что угодно, не калеча жертву, бога за зря не гневя.

Всколыхнул медведь в сердце Ивана воспоминания, казалось, навсегда стертые вместе с именем, данным с рождения, вместе с событиями канувшими. Уж не чаял, что так остро, будто картинки явные вновь на душе поднимутся, оживят в отрочестве сгинувшего Егора Осипова. Словно и не было вокруг этой городской суеты с суматошной погоней вдоль верхних торговых рядов московской ярмарки, не было и службы в сыском приказе, всех этих лет, сложно пронесшихся, не было...

12 годами ранее

За Егором Осиповым фарт, словно ангел-хранитель, следовал по пятам, почитай с малолетства. И ведь ни на что хорошее питать надежды парню с первого земного вздоха не приходилось. Родился в бедной семье крепостного крестьянина, голодал, работал денно и нощно, был частенько бит приказчиками, порой от скуки, бывало, для смирения, иной раз и за провинность.

Вот и сейчас не выдержал Егорка, да украл у самодура-барина табакерку диковинную, за что угодил на одну цепь с медведем у позорного столба на заднем дворе за помещичьей усадьбой. Обоим горемыкам такое соседство радости не прибавило. Мишка рычал и скалился. Егор, насколько позволила длина звеньями гремящей бечевки, отполз в сторону, отчаянно надеясь, что наказание его окончится ранее, чем косолапый додумается свою цепь хороводом вокруг столба размотать и добраться до отрока. И вот как раз тут впервые удача подала знак дрожащему от страха при каждом приближении дикого соседа молодцу. Дочка кухарки Аннушка – сердцем добрая, лицом пригожая – пожалела осужденного, тайком объедки принесла ему с барского стола, да поведала, что Егорке с наказанием повезло гораздо больше, чем служивому проезжему. Тому барин в карты проиграл, осерчал, прибил, а после в колодезь скинуть велел. А мишка добрый, сытый, с цепи не кинется – не достанет, бояться его не нужно.

Вот так, не вполне успешно начав свой путь в лихом деле беззакония, смекалистый от рождения Егор Осипов сообразил, что Аннушка в добрый час ему рассказала про барина. Как только доставили его в уездную контору сыских дел для свершения наказания и отправки

на каторгу, смекнул парнишка между порциями плетей выкрикнуть: «Слово и дело» и, сам в то особо не веруя, был доставлен для выяснения дознавателю, где и поведал о загубленном помещиком служивом.

Преступление это нашло подтверждение в виде останков на дне колодца. Что там с баринном дальше сделалось, Егору было неизвестно, так как самого его ждало будущее незавидное – досидеть наказание за кражу в остроге, да в рекруты. Невесело размышлял парнишка, о какой доли печалиться больше: о каторге или о военной службе. Вот тут удача опять себя обозначила: в одной клетке с Осиповым ждал решения участи вор Васька Голый. Понимая, что одному с охраной не сдюжить, позвал с собой мальчика смекалистого в побег. Так закончилась жизнь крепостного безграмотного отрока Егора Осипова, уступив черед яркой полной опасностей жизни вора Ваньки Лазаря.

Глава 2

Сплюнул Ванька себе под ноги, все еще от медведя взора глаза единственного не отводя, второй, скрытый повязкой, видел слабо, будто через пелену. Поэтому в городских делах Лазарь одно око прикрывал от напряжения лишнего, отвлекающего, будоражащего ноющую боль в голове.

– Неужто лихо злую потеху затеяло старое разворошить как раз тогда, когда я Голого сдать решился?! – Прошептал мужчина, проведя рукой по лицу, словно отгоняя наваждение.

– Что? Что разворошить? Не расслышали мы, Иван Прокопыч, – врезался, не успев притормозить в пылу погони, в спину Ивана один из троих приказных служивых, выделенных Лазарю в полное подчинение.

– Вот дуры, – махнул он на них вместо ответа рукой. – Бегом! Коли уйдет Голый – всех в казиматы, как пособников. Вы меня знаете, моему слову поверят.

Все трое припустили, было, сквозь толпу, но пробраться быстро, как ни рвались, не получилось. Почитай весь город собрался на ярмарке в этот день, словно в помощь беглому вору.

– А ну разошлись, проклятые! – Замахнулся Иван, рубанув батогай по воздуху, но тяжелый кожаный узел на конце плетеного кнута задел-таки мужика, возившегося у медвежьей клетки. Тот дернулся от внезапной сильной боли и железный кол, вход в клетку перекрывающую, выронил. Почуял зверь свободу нежданную, да и шагнул из клетки, по сторонам огляделся, неспешно пошел, зубы скаля, на Лазаря. Еще несколько мгновений назад забитая народом площадь, как по колдовству расчистилась. Но не весь люд кинулся в рассыпную, часть, отступив, замерла зачарованно в ожидании кровавого зрелища. Расправа расвирепевшего зверя над щеголевато одетым государевым приспешником была поинтереснее представления любого, хоть и заморского с полуголыми маврами балагана.

– Врешь, – ухмыльнулся, нервно дернув щекой, Иван, – стой, глупый, не дури! – Стремительно оглядел незакрытым глазом полукружье площади. Вскочил на прилавок кузнеца торгового, тут же подковы, да прочую железную утварь выправляющего. Стал в глазах медведя выше его на половину туловища, чем заставил супостата приостановится, будто задумался зверь. Ванька тем временем крутанул все той же батогай по воздуху, опутал кнотом его лапы задние, схватил клещи раскаленные с печи кузнеца, да пошел напирать на медведя уже сильно напуганного. Тот попятился, путаясь в бечевке, опасаясь огненных клещей, Иван же надвигался на мохнатого уверенно, и страха в его глазе открытом не было, только интерес и азарт победителя. Так, шаг за шагом и загнал в клетку косолапого.

– Тьфу ты пропасть! Упустили время! – Выругался агент сыскного приказа, ловко перев дверцу железным колом, выпавшим от удара кнотом его батоги из рук мужика. Казалось, Лазарь вовсе не замечал восторга глядящей на него толпы.

Гневно вращая оком, высматривал по сторонам, куда дальше бежать, но Васька Голый явно не стал ожидать окончания ярмарочной потехи, скрылся за торговыми рядами.

– Что вы, как копны сена, выстроились? – Накинулся Иван на своих троих солдат, замахнувшись. – Да что ж за напасть? – Он посмотрел на пустую руку, потом на медведя, который сидел в клетке пытаясь зубами разгрызть кнут, опутывающий лапы, с дровком батоги он уже расправился. – Эх, окаянные! – Погрозил кулаком по воздуху своим помощникам Лазарь.

– Да не серчай, Иван Прокопыч, чай не в последний раз его выследил. Смог сейчас, сможешь и потом, – осмелился догнать его один из солдат, с трудом поспевая за размашистыми шагами предводителя.

– Да что ж вы за люди такие, Федор? Что ж вам на все наплевать?! Служите абы как, лишь бы харчи давали! Ведь дело затеяно великое, впервые за всю, кажись, работу Приказа. Да с вами разве выйдет изловить всех московских лиходеев?! – С досадой и злостью выпалил он. – Что значит в следующий раз, я вам что – ярмарочный скоморох, у которого в сундуке по новому вору каждое представление появляется?! – Иван еще прибавил шаг, и солдаты отстали.

– Возомнил о себе Иван Прокопыч, – недобро смотря в спину удаляющегося Лазаря, произнес Федор, – а ведь были времена, когда на него шла охота и нашего московского приказа, а народ сказывает, что и сибирского, и волжского, да сколько их еще было.

– Да наше дело маленькое, велено бежать побежали, упустили, так за то ответ не нам держать. Пошли что ль в трактир, отслужили свое на сегодня. – Потянул Федора за рукав Петр Скорый, и троица свернула на Тверскую, богатую на заведения.

Иван ни разу не обернулся, кипит от злости, он торопился в полицмейстерскую канцелярию с докладом о провале операции. Гнева обер-полицмейстера он не боялся, граф Габузов неизменно повторял, что пятьдесят пойманных Лазарем воров не позволяют усомниться в преданности делу.

– Эх, зря только Слепого разболтали, где его подельника искать, такую оказию спустили и мимо! А Голый знает теперь, что я на него охоту веду, схоронится крепко, а как случай выдастся – отомстит люто! С него станется, он уже не одну душу загубил, боженьки не побоятся. – Произнес Иван то ли Федору, думая, что тот все еще семенит подле, то ли самому себе. – У нас с Васькой Голым знакомство давнее, и счеты не сведены.

Сдать Голого Иван решил сразу, как только свиделись в начале лета. Заявился Василий в дом Лазаря ночью, вел себя нагло, в обращении с хозяином и вовсе тон взял повелительный. Иван запомнил ту короткую перепалку слово в слово.

– Что, Егорка, не ожидал? – Вышел из тени ночи в глубь спальни от окна Голый, встав специально, чтобы свет от канделябра падал на его лицо. – Узнал, смотрю.

Иван, конечно, понимал, что Васька назвал его уже давно позабытым именем, дабы превосходство свое над негласным хозяином Москвы показать. Мол, все знаю, а коли не по-моему станет, то и управу сыщу.

– Здравствуй, Михей Терентьев, – Лазарь также специально назвал его именем, данным от рождения, даже сам удивился, как быстро оно всплыло в памяти. Произнося, был рад, что ничем не выдал волнения, все же охватившее его.

– А где глаз потерял? – Заметил мошенник повязку на лице старинного приятеля.

– Чего нужно? Я занят! – Не удостоив ответом, Иван поднялся от стола, бумаги быстрым движением перевернул.

– Ты что же это? Ученым что ли стал? – Голый, заметив отложенное перо на столе, не сдержал удивления. – На што это вору вся эта мазня? Верно люди сказывают: зазнался Иван Лазарь. Проучить пора, можа, и наказать, что братьев своих сдает за тридцать серебряников. – Темные злые глаза Василия бусинами застыли на худом лице, рот его растянула грозная ухмылка, обнажив щербину от отсутствующего зуба.

Уже не в первый раз слыхивал Лазарь подобные обвинения в свой адрес. Признавал, что выбранный им путь в качестве агента сыскного приказа полицмейстерской канцелярии предполагал роптание недовольных. Но эти мысли его заботили мало. Дело, задуманное Иваном, по масштабам изрядно превосходило те вынужденные издержки, которые приходилось нести. А уж мнение мошенников в расчет он не принимал вовсе. Порядок он задумал навести в пропадающей под гнетом лиходеев Москве, ступить в которую боялся и любой торговец со штучным товаром, и купец гильдией повыше, и гость светский, да и вольный крестьянин тоже. Карманы каждого обчищали быстрее времени, за которое пару улиц обоз их успевал проехать по шумному городу.

– Со своими у нас все оговорено, – не стал пускаться Иван в дополнительные разъяснения.

– А рады ли те, как их, СВОИ, – выделил Гольй со смешком, – что должны мзду какому-то мальчишке голоштанному заносить, чтобы спокойно дворы московские щипать? Я мигом растрясусь и всколыхну недовольных, поднимут тя на вилы!

– Так опроси, как им лучше: под мостом Всесвятским на голом камне и старом лапте спать, да от жандармов бегать, али свободно в теплых углах трактиров квартировать.

– Вон оно как запел! Спасителем себя возомнил? Поди думаешь, что и купчишки тебе в ноги готовы кланяться, за то, что десятину с них берешь за торговлю ярморочную?

– Вот как был ты глуп, так и не стал ниче менять, – вздохнул Иван. – Сие есть оплата за охрану, да безопасный мен. Они сами рады такому обороту. Да что я с тобой, право, – он махнул рукой, потянувшись за колокольчиком позвать Фрола.

– Постой! – Кинулся Гольй к нему с ножом, перехватывая его руку, не давая брякнуть, и заломив ее за спину Лазаря. – Коли хотел бы, давно бы тебя прирезал. – Просипел он ему в ухо. – Делиться со мной будешь, ежели живот дорог. Ты меня знаешь, я таких как ты по трое в раз кладу.

– А меня ты совсем не знаешь, – прошептал Лазарь, ударил ему локтем второй руки в болевую точку в области живота, вор выронил нож и скрутился пополам. Второй отпущенной Гольым рукой Иван засадил лиходею по загривку. Но тот был крепок, сознание сохранил, попятился к открытому окну и буквально вывалился на улицу. Иван выглянул, шею окаянный не свернул, и под лай проснувшейся на звук возни во дворе собаки, тяжело поднялся и на неверных ногах выбрался через явно до этого вскрытую им же калитку.

– Чуюло сердце, что еще свидимся, – проводив его недобрым взглядом открытого глаза, прошептал Лазарь. – Что ж, не хотел я, но, видать, иного пути нет. – И он сел писать донос обер-полицмейстеру графу Габузову.

12 годами ранее

Васька Гольй не просто так парнишку с собой в побег позвал из острога перевалочного. На каторгу он, конечно, не собирался, да и бежать мог один. Но, выслушав, как лихо расправился с барином и от наказания спасся этот пятнадцатилетний отрок, умом, видать, смекалистый, а телом ловкий, решил вор опытный натаскать его себе в пособники. Надоело ему самому по оконцам слюдяным, да новым – из стекла заморского – лазить. Вот и подумалось бывалому карманнику, что этот Егорка будет ему обязанным, с ним сговориться вернее, для живота меньше опасности, нежели кого из опытных лиходеев в напарники звать. Те прирежут, как добычу почуют, даже перекреститься не успеешь. А этот малец еще и внешне ангелу подобен: волосы цвета соломы с кудряшками вокруг кругловатого лица, взгляда, что небо, не прячет, смотрит открыто.

С охраной сладили играючи. Когда воду острожникам^{1*}, будто псам, заносили, да сухарь черствый в придачу, Егор закружил вокруг соглядатая, запутал, а Васька его по темени кадкой с водой и хватил, да и в открытую дверцу споро сиганул, а паренек за ним след в след. Земская изба толком и не охранялась, похоже, что ярыжки да сторожа с учетом времени позднего в обход города отправились. Повезло беглецам спокойно в лес уйти, да отсидеться там, отдышаться, отоспаться, а поутру уже и познакомиться как следует.

И поведал Васька Голый Егору все, чему сам обучился. Сразу сговорились в артель разбойничью не вступать, парой по разным окрестным весям гастролировать. Голый с малолетства один остался, обучил его воровскому делу нелегкому брат старший, да скоро сгинул на каторге, Ваську же боженька миловал и от тюрьмы пока оберегал, вот как и в этот раз с побегом. От того и клейма вора на лице у него не было, от того и спокойно в любой город, да деревеньку захаживал. Конвоев, впрочем, избегал умело, чему и Осипова обучил.

Жадно Егор впитывал, как карманы на ярмарках у зевак обчищать, колокольчики на манекене приноровился не задевать, в окошки любые прошмыгивать, будто перышко невесомое.

– Странно мне, Егорка, что я псом без цепи хозяйской двадцати с лихом лет сапоги топтал, а с тобой вот уже будто и рад, что не один с фартом играю, – за порцией каши с телячьими потрохами в трактире на распутье дорог между Черным и Красным Ярами вдруг пустился в беседу душевную Васька.

Решили подельники ни в одно из этих поселений вдоль берега Волги не соваться, народ лихой сказывал, что там только и ждут, что этаких телят неопытных, в миг их в каменный мешок посадят. Да и карманы у зрителей военных крепостей пустые.

– Близо мы с тобой задышали одним воздухом, странно это мне, да дела спорятся, надо нам друг друга держаться и дальше. Только Егорку Осипова, как и Михея Терентьева ищут цепные псы майорских канцелярий. Посему и зовусь я не Михеем, Васькой, а тебя сама звезда путевая нарекла Ванькой Лазарем, как есть ты мне близкий сейчас, и зла в тебе не чую, так и зваться будешь. А по берегу Волги нашей матушки пройдем мы мимо военных крепостей злых, в Казань пойдем, там попытаем удачу.

Егор противу товарища старшего не смел и слова вымолвить. Васька был для него и отцом и матерью, надо менять, как зваться, значит, на то воля божья, значит, так тому и быть.

– Ванька Лазарь, – произнес он, едва товарищ захрапел на соседней койке, – Лазарь, а ведь справно, любо мне, – принял имя новое, словно жизнь переменял, да и запрокинул руку за голову, откинувшись, чтобы спать было удобнее. Улыбался во сне, приятное представляя.

Два года провели, как один день, и перед каждым делом Васька словно молитву втемяшивал в голову подельника – никому не верить, на слабости минутные свои, да случайных рядом попутчиков душой не откликаться, ни к кому не привязываться, особенно к бабам сплошь обманщицам, кров оседлый, пока вдоволь не заработаешь, ни с кем не делить. Как учил, так и поступил в один день, отправился на перекрестье дорог в другую сторону, прихватив все награбленное, и под страхом смерти запретил Ваньке Лазарю себя преследовать.

Глава 3

Не скрывая злости, ворвался Лазарь в полицмейстерскую канцелярию. Шаггал стремительно по коридорам, встречающимся служивым на приветствия едва отвечая.

– Стой, без доклада! – Кинулся его остановить жандарм Попов, но Лазарь даже не обернулся. – Злой, как черт, ну пусть там сами, – Попов прикрыл распахнутую Иваном в кабинет обер-полицмейстера дверь.

¹ * Острожник – арестованный

– Да уж лучше с этим Лазарем не связываться, хотя нет веселья большего, чем с ним после справного дела в кутеж пойти, но нет okazji страшнее, ежели дорогу ему в недобрый час перейти. – Задумчиво глядя на закрывшуюся дверь, ответил жандарму капитан Озерков, – я позже тогда, у меня не к спеху. – Явно передумал он соваться в кабинет к графу Габузову следом за Лазарем.

– А ежели не к спеху, то лучше б и вовсе обождать. Этот Иван Прокопыч, гляди, какой мрачный, что-то не сладилось, видать. Даром, что под особой опекой почитай самой государыни.

– Ну не стоит уж так преувеличивать, Порфирий Иванович, вовремя он вызвался своих сдавать, чтоб шкуру спасти, а теперь вона и грамота о неприкосновенности, и штат в распоряжение. А ведь вор, как он есть, – мрачно и с явной завистью в голосе пробурчал Озерков, обжог неприязненным взглядом начальственную дверь и вышел из приемной.

– Не нам судить, Константин Павлович, а пятьдесят с лишком голубчиков пойманы. Гонцы с докладами, поди, каждую неделю лошадей загоняют, торопясь в столицу. Вон в канцелярию нашу даже мебель новую справили, ценят, значит, – произнес в след капитану жандарм Попов и с благоговением погладил блестящую поверхность стола. Услышав, что Лазарь докладывает графу что-то на повышенных тонах, Порфирий Иванович явно в привычной манере кинулся под дверь и припал ухом.

– Где вы нашли этих ярмарочных шутов?! – Накинулся на обер-полицмейстера с порога Иван. – С ними не приказы государыни исполнять, с ними только в лес ходить, им больше медведи по сердцу.

– Тише, – цыкнул граф Габузов и в сторону кивнул. Только сейчас Иван заметил сидящего в кресле молодцеватого вида офицера, лицо которого ему показалось знакомым. – Вот, Александр Павлович, как раз наш лучший агент, о котором я вам и сказывал только что.

– Дерзок, – окинул тот Ваньку холодным взглядом.

– Это да, но полезен чрезвычайно, я ж вам как раз донесение отправлял, как он целый притон, почитай, один взял.

– Да хватит вам абы кого превозносить-то! Донесения эти, а тем паче изветы^{2*}, я не читал, не по моей части. Я к вам приехал из Санкт-Петербурга, – с нажимом на каждой букве выделил он, – порядок, наконец, навести, а то развели здесь деревенщин неотесанных! Еще и называли-то как, будто особа какая: известный доноситель! Но ничего, мои драгуны люди опытные, быстро со всякой швалью покончат, без ваших, прости Господи, доносителей. – С высокомерием во всем своем облике от взгляда до прямой осанки спины, он поднялся, опираясь на трость с золотым набалдашником, которую Иван только заметил, и, не удосужив присутствующих разъяснениями, кивнув графу, толкнул дверь для выхода.

– Ай-ай, – взвизгнул жандарм Попов по ту сторону, потирая ушибленный лоб.

– Балаган шутовской! – Александр Павлович обвел всех возмущенным взглядом, коротким жестом провел набалдашником трости от скулы к виску, где был виден едва заметный след от шрама, и вышел.

Лазарь вздрогнул, где-то он видел этот жест, но бурлящие в крови эмоции от проваленной операции, да и еще этот столичный индюк не давали собраться с мыслями.

– Павел Федорович, и как понимать? Что за павлин? – Округлил глаза Лазарь, едва Порфирий с покаянным видом закрыл дверь за неизвестным гостем.

– Тише, Иван, спесь-то сбей, чай не с халдеем из притона говоришь! – Не стал допускать панибратства граф Габузов, хотя, бывало, особенно после удачного дела, позволял себе и рюмку коньяка с Лазарем пригубить. Но сейчас праздновать явно было нечего. Он проверил, резко выглянув в приемную, что жандарм, получив урок, привычку с подслушиванием оста-

^{2*} Извет – Донос не анонимный (устар.)

вил, и, затворив дверь поплотнее, сел в свое рабочее кресло, жестом пригласив собеседника занять место напротив через стол. – Что с Голым?

– Плохо, ушел гад, пока я медведя усмирял, а эти, прости господи, солдаты, хуже девиц малолетних.

– Так, про медведя и девиц потом, сам разбирайся, людей выделили, воспитывай. А что Голый ушел – это куда негодное известие, особенно сейчас, когда к нам этого Буракина прислали.

– Так что за птица?

– От генерал-полицмейстера приставлен явно с проверкой на нашу голову с депешей за подписью самого светлейшего князя Алексея Григ... А впрочем, не это важно.

– А что?

– Результат. Надо нос утереть этому столичному проверяющему, нос, который он везде теперь имеет право совать. Ты уж, Иван, дела свои того, придержи.

– Какие дела?

– Ты дуру-то не крути, чай не слепой, все знаю, а о чем не знаю – догадываюсь. А только не сносить тебе головы, а мне места не удержать, коли этот Буракин чего разведает.

– Нечего ему разведывать, – упрямо стоял на своем Лазарь. – Буракин, Буракин, фамилия какая-то знакомая. Точно дела мы с ним ранее какие-то делали.

– Вот это уж вряд ли. Он сын князя Буракина. У того сын с год тому сгинул на Кавказе от пули черкесского разбойника, потому этот Александр Павлович признан уж в предсмертный час, но состояние имеет и чины, и на особом счету, и связи у него, – он закатил глаза куда-то в верхнюю часть стены с портретами царских особ.

– Буракин Александр Павлович, – задумчиво повторил Лазарь.

– Да хватит уже! Не о том ты думаешь! Лучше смекай скорее, как дело с Голым исправлять, ежели сдадим этого кровопийцу твоего с подельниками, никто нам не указ. Понял?

– Да, – Иван согласно кивнул.

– А коли так, то свободен.

Иван не стал задерживаться, князь не шел у него из головы, он пытался понять, в чем причина тревоги, поселившейся в груди, едва он встретился взглядом с этим столичным франтом с тростью. Торопливо сбегая по лестнице со второго этажа от кабинета графа Габузова вниз, он свободным от повязки глазом увидел сквозь окно, как Буракин усаживается в карету и то, каким жестом он перехватил трость в его руке, обожгло память Ивана неожиданным воспоминанием.

А у крыльца, словно в довершение неприятному озарению, мелькнувшему в голове, два солдата, примостившись на лавке, увлеченно перекидывались в картишки. Игра в штосс или фараон, выигрыш в которой зависел лишь от случайности – напомнила Лазарю те беззаботные воровские деньки, когда он с превеликим удовольствием просиживал за карточными столами дни и ночи. И следом уколом по сердцу поднялся в памяти тот момент, когда сам черт его от этого занятия в раз отвадил.

9 годами ранее

Трактир был не похож на череду, в которых приходилось бывать Ивану, привыкшему к скитаниям по разным постоялым дворам. Уроки Голого он усвоил четко, подолгу нигде не задерживался, ни к кому не привязывался, от того и пойман ни разу не был. Азы воровской профессии, открытые ему Василием, были лишь началом того большого пути по освоению мастерства, который за три года в одиночку постиг Иван.

А это заведение показалось и чище, и просторнее оных. Иван вошел таким барином, плечи расправил, занял место за столом по центру, огляделся. Общий зал насчитывал около десяти столов, за теми из которых, что способны были уместить от шести человек и более,

никто, что удивительно, в карты не играл, для каждого пришедшего предлагалось отдельное кресло, а не обычная, сбитая из досок лавка. За тремя столиками по разным углам залы о чем-то переговариваясь, трапезничали по двое приличных с виду гостей. Лишь в самом дальнем углу, в некоторой тени сидел одинокий господин.

– Кофей, вашему сиятельству, – возвестил половой и поставил перед господином изящную фарфоровую чашечку, от которой по всему заведению разошелся довольно странный, непривычный для носа Ивана аромат.

Никого из остальных посетителей, как отметил Лазарь, ни название напитка, ни обстановка трактира никак не удивляли, внимание от своих бесед и тарелок они не оторвали ни на мгновение. Создавалось впечатление, что трактир работал исключительно для нужд путников: перекусить, да отдохнуть с дороги в покоях на втором этаже. Лестница к комнатам, как и двери в них были практически незаметны для глаз трапезничающих. Девочек, призывно подмигивающих, Иван не увидел ни одной.

– В церкву я, что ли, попал? – Прошептал сам себе, а, повысив голос, позвал в сторону буфета:

– Эй, половой, щи с пирогами, да пиво. – Голосу старался придать зрелой солидности, но выходило плохо. На самарской ярмарке тремя днями ранее отменную гастроль справил воркарманник Иван Лазарь, и, войдя в трактир, опять проверил монеты числом около семнадцати рублей в кошельке за ремнем шаровар, еще и кафтан с сапогами умыкнул у торговца зазевавшегося. Но сейчас, разглядывая исподтишка людей вокруг, неловко было Лазарю, будто хромой лошади в загоне с первостатейными скакунами.

– Сию минуточку-с, – с любезной улыбкой откликнулся из-за прилавка мужичок, протиравший передником лафитник, то и дело проверяя чистоту его граней на фоне неяркого света, попадавшего в помещение через темноватое слюдяное окно.

По горячим воспоминаниям о проведенном успешном рейде на самарской ярмарке, Иван, заказав еще одно пиво, решил повеселиться как следует:

– А что, голубчик, нет ли okazji в картишки перекинуться? – И он многозначительно хлопнул себя по карману шаровар, откликнувшись в ответ монетным перезвоном.

Половой первым делом метнул взор в сторону угла, где все еще сидел господин с чашкой кофею и после короткой паузы все также любезно ответил:

– Да отчего ж не организовать, коли душа-с требует, да и монета звонкая имеется, – понимающе подмигнул он, едва заметным жестом собрав со стола оплату за обед. – Следуйте-с за мной.

Иван в приподнятом настроении направился за угодливым мужичком, разглядывая убранство трактирного зала. На стене подле лестницы висела картина с изображением богато накрытого стола, фрукты в корзине выглядели как настоящие. Иван часть из них никогда не пробовал, мелкие зеленые и темно-бордовые ягоды, усыпавшие ветки, особенно привлекли его внимание:

– Яблоки больно диковинные, – усмехнулся он, пальцем ткнув в нарисованное.

– Это виноград, и премного вас прошу-с поберечь холст, – посуловел тоном половой, опять опасливо глянув в угол с барином. Только сейчас Иван заметил, что привлекая его внимание лестница вела не только наверх, но и как выяснилось, вниз. Половой отодвинул ковер, дверцу поднял в подпол, а оттуда гул голосов донесся и звуки музыки. Удивлению Лазаря предела не было. Спускался медленно, осматриваясь во все глаза.

Игральная зала была просторная и словно в разы больше харчевни, располагавшейся над ней. Но не это отличие взбудоражило душу любителя перекинуться в картишки: в сравнении со скучной и довольно строгой обстановкой трактира наверху помещение радовало взор по-праздничному ярким убранством, будто царских палат, как показалось Ваньке. Своей ногой ступать внутрь настоящих дворцов ему не приходилось, но на картинках видал тщательно пере-

данную изографами разноцветную роскошь покоев князей да государей, то ли сказочные, то ли явные.

– Мать честная, – схватился Иван за шапку, второй рукой потянув пологого за локоть.
– Что за диво?

Он еще раз осмотрелся и с осторожностью провел пальцем по стене, удивившись мягкости ткани золотисто-алого оттенка ее покрывающей. Учтывая, что спускались они с первого этажа вниз, окон не было, но на замену им на одном уровне по периметру залы были размещены красивые пейзажи с изображениями дворцов, садов, жеманных красоток в восточных нарядах, диковинных птиц, многоцветных растений. По углам располагались композиции с небольшими фонтанчиками, вода из которых весело скатывалась по мраморным малюсеньким садам и замкам, встроенным внутрь.

Вечер только приближался и посетителей еще было немного. Четверо мужиков попарно увлеченно резались в вист за столом справа. Троица нарядно разодетых девок в разноцветных чулках и по-срамному коротких юбках, утянутые яркими корсетами, то тихо хихикая, то погромче вульгарно хохоча, сидели неподалеку от них на диване, то и дело бросая томные взгляды на играющих.

Еще одна девица у самых подступов к небольшому возвышению, служившему в заведении сценой, спиной к Ивану, да и ко всем остальным, плавно двигалась в такт грустной мелодии, которую довольно ладно выводил скрипач на своем изящном инструменте. Хрупкая, какая-то кукольная фигурка этой девы, тонкий стан, подчеркнутый пышной белой юбкой, светлые длинные локоны, спускающиеся до пояса и закрывающие оголенную спину, тонкие щиколотки ног в атласных туфельках, – все это добавило к бурлящему в крови Ивана азарту иной оттенок чувств, но сконцентрироваться на них он не успел, служащий его потянул за рукав к играющим.

За центральным игорным столом нетерпеливо ерзал в кресле и требовательно смотрел в сторону лестницы толстощекий, круглолицый, одетый в добротные брюки и белую рубаху с жилетом достаточно еще молодых лет мужик.

«Видать, сынок купчишки какого, – моментально оценил Иван».

– Да сколько ждать-то тебя, Фрол? – Воскликнул тем временем толстощекий половому, едва тот прикрыл дверь в подпол и подтащил зазевавшегося Ивана к столу.

– Сию минуту-с, Антипий Германович, спешили-с во весь дух, – Фрол ни единой гримасой не выдавал никаких эмоций, разве что иногда прыгала интонация голоса, но на это никто из присутствующих не обращал или был не способен обращать внимания. – Вот, извольте, в фараона, – перевел он взгляд на Лазаря, отодвигая стул с приглашением занять место. – Их сиятельству уж больно понтер нужен, а вы, кажись, желание пораскинуть имели-с.

– Ну в фараона, так в фараона, – довольно потер руки Иван, – только чур колода моя, – засунул он руку куда-то вглубь шаровар, но Фрол остановил его.

– Новые гости за столом – новая колода. Правила-с, – многозначительно добавил он и поднял указательный палец вверх для усиления эффекта. – Пятая часть каждого куша остается трактиру. – Добавил тоном решительным, возражений не ожидая.

– Извольте, – весело хихикнул Иван, многозначительно поиграл бровями, как бы приглашая купчишку в единомышленники, и добавил, – с.

Игра в фараона нравилась Ивану больше всего, так как полагаться в ней приходилось исключительно на удачу, а ежели допускалось раздать свою колоду, то и на ловкость рук. С фартом, как сам по себе уверился Иван после череды успешных воровских делишек, у него было все в порядке. А вот что касемо шулерства, он, конечно, еще не мог назвать себя «карточным академиком», но крапления, незаметные для других, сумел разместить на своей колоде, да и пальцы наловчил козырей под рукав рубахи прятать, а в нужный момент подмену проводить. В

общем, робости за игровым столом не испытывал, и сейчас смело ставку в тридцать копеечных монет поддержал.

– Сдавай, что ль, Антипий, – сразу перешел Иван за панибрата, но напарник его так горел скорее раскинуть карты, что и не обратил внимания на обращение.

Фрол проследил, чтоб половой игровой залы принес на столик графин с лафитниками и тут же занял достаточно близкую позицию на случай необходимости вмешаться. Сам удалился наверх в комнату с харчами.

Правила игры в фараона были довольно просты. Банкомет, роль которого выбрал себе Антипий Германович, держал и метал банк, понтер, коим выпало быть Лазарю, делал ставку, обозначал дальнейшие куши. Иван из своей колоды поставил тридцать копеек на валега червей, Антипий начал переметывать свою колоду, поочередно складывая по карте то с правого рукава, то с левого.

– Ох, шельмец, что я и чайл! – Радостно хлопнул рукой по столу Иван, когда увидел, что загаданная им карта легла по правый рукав банкомета. – Он потянулся сгрести шестьдесят копеек с центра стола, но Антипий остановил его.

– Играй на руте! – Буркнул он, поправив слипшиеся на лбу от капель пота волосы и опрокинул в себя рюмку. – Что ты мирандольничаешь?!

– А ты, купчина, толк знаешь, – похвалил Лазарь, который и сам, признаться, уже собирався ставку повысить. Мирандольничать, то есть оставаться на низком куше, ему и самому было томительно. Не было у Ивана сомнений, что карманы этого сынка торгового он уже к исходу часа опустошит.

И пошла битва нешуточная. Половой приставлен к их столу был не только следить за полнотой графина с рябиновой настойкой, главным его делом было об интересах заведения печься. Колоды он менял исправно, пятую часть ставок из общей кучи отделял своевременно, да пересчитывал, сколько раз концы углов загаданной карты сложены, чтобы не вышло скандала с обманом по числу кушей между игроками.

Купчишка нервничал, ерзал, опрокидывал рюмку за рюмкой, и к исходу часа, как и загадал Иван, напарник его вовсе растрепался. Карман банкомета опустел, удача солнечным светом сияла только одному Ивану. Ох и доволен он был! Даже в припляс, было, отправился к сцене со скрипачом, когда Антипия под белы руки, настоятельно прося скандалу не творить, половой поволок к лестнице.

Лазарь с удивлением рассматривал скрипача, его чистую белую блузу, лицо с закрытыми глазами, припавшее щекой к инструменту, и суетную руку со смычком. Сцену освещало много свечей в высоких и низких канделябрах, тогда как за игровыми столиками было не больше одного подсвечника, и не так освещено. Это отчасти добавляло образу музыканта некой обособленности от всего происходящего в остальной зале.

– Вот это чудеса, – отметил Иван. Ему еще не доводилось бывать в таких довольно приличных заведениях, несмотря на всю низменную направленность происходящих внутри казусов. Но не для ума воришки были беспокойства на тему морали, сегодня ему весело, да и жизнь каждый раз он проживал здесь и сейчас, планов не загадывал, мечтать не умел. По сему с восторгом мальчишки, коим он все еще был в душе, да и возраст не дальний – девятнадцать годин всего – слушал он скрипача, выдавшего под стать настроению гостя веселый мотивчик.

– Не извольте ли продолжить кадрили в салоне? – Закружила рядом с ним пышнотелая рыжеволосая девица, махнув рукой куда-то в сторону алькова, скрытого темно-бордовой портьерой за лестницей.

– Ой, обожди, красавица, ой поберегись! – Он подмигнул ей и шутливо махнул по направлению диванчика, где сидели еще трое подружек.

– А где беловолосая? – Вспомнил Лазарь о девушке, которая как-то отдельно от всех и без заигрываний, словно ей чуждо было все, что происходило в зале за ее спиной, часом ранее двигалась в такт грустной мелодии скрипача.

– А коли дашь на угощение, расскажу! – Захихикала рыжеволосая в ответ. – Анька у нас не по этой части, то есть теперь по этой: ее студентик оставил в счет долга, когда в карты в пух и прах проигрался, а до этого, говорят, выкупил ее из крепостных у какого-то барина знакомого, уж очень она ему в душу запала. Но недолго деве радоваться, студентик оказался, как все: все на кон в пылу азарта. Так что теперь она, как мы, но везучая девка, у нее дружок сразу завелся постоянный, так что не по той ты вздыхаешь, смотри, какие красавицы тебя полюбить готовы! – Выпала она, спрятав в корсет монету, переданную Иваном.

– Так я еще и не вздыхал ни по ком, может, и повеселимся, но после, – побрякал заработком в кармане Иван, и вернулся за игральным столом, решив пропустить рюмочку – другую настойки. Спешить ему было некуда, комнату в наем он задумал взять в этом трактире, но не сей момент. Очень уж надеялся, что раз в этот вечер фарт ему благоволит, то и оказия выйдет с кем свеженьким схлестнуться, и хорошо бы вновь в фараона.

Гостей прибавилось, Иван ожидал за столом нового соперника. Денег после игры с Антипием он увеличил втрое и желал продолжать, пока с ним удача.

– Не изволите ли настойки перед раздачей? – Радушно обратился Иван к высокому худому корнету, с брезгливым выражением лица, отодвинувшим массивной тростью кресло от стола, с намерением сесть в него. Половой поспешил помочь барину устроиться. Взглядом опытного вора Лазарь отметил, что трость была роскошная, похоже, что с золотым набалдашником и даже камнями. Такую можно было бы и умыкнуть постараться, если выйдет оказия. Но корнет держал сей предмет особенным захватом между указательным и средним пальцами, усаживаясь, провел явно привычным жестом набалдашником от уха к виску по едва заметному шраму, и Ванька увидел тонкий ремешок, идущий петлей вокруг трости к запястью владельца с такой же петлей. Планы с кражей пришлось отложить.

– В пикет, – не предложил, а, скорее, скомандовал владелец соблазнительной палочки, заметно раздражаясь, глядя на Ивана. Его худое удлиненное лицо, с суровой линией губ, почти не скрываемой тонкими усиками, колким взором неприветливых глаз, высоким прямым лбом и темными коротко-стриженными волосами было словно супротив мягким чертам лица Ивана. Взлохмаченные в процессе игры с купчишкой светлые волосы Лазаря струились мягкими волнами к плечам, полноватые губы то и дело расплывались в улыбке, а взгляд широко посаженных глаз цвета воды в реке был достаточно приветлив, хоть и с лукавым прищуром.

– Иван Прокопыч, – представился, все также улыбаясь, Лазарь.

– Карты, – вместо ответа, новый соперник все тем же повелительным тоном подал знак застывшему за его креслом половому.

– Сию минуту-с, Александр Павлович, извольте-с, – протянул тот колоду.

– Эвона как у вас все по-суровому, ну да мне что за дело, – казалось, ничто не могло спугнуть шальное настроение Ваньки. – Пожалуй, можно и в пикет. – Он пригубил из лафитника и с интересом продолжил разглядывать этого неприветливого военного, не больно-то от самого Ивана годами ушедшего. – Сам еще зелен, а будто индюк, – прошептал Лазарь, но слова потонули в общем шуме игальной залы, скандала не случилось.

В отличие от фараона, в пикет – игру довольно новую и Иваном совсем недавно узнавшую – играть нужно было с умом. Выстраивать комбинации, ставить куши. Воришка задумался, перебрал в кармане монеты.

– Что затих? Не умеешь?

– А ты раздавай и узнаешь! – Иван сомневаться долго не привык, да и снисходительный и при этом командный тон корнета сильно раздражал. Он оценил его как вызов.

Половой перемешал новую колоду и предложил каждому выбрать по карте. Александр показал короля треф и не сдержал ухмылки победителя.

– Туз, – швырнул поверх его короля Иван, – я фартовый!

– Сдавай! – Александр Павлович явно не был расположен поддерживать беседу с Лазарем. Но сумма, которую Иван выиграл у купчишки, явилась-таки определяющим фактором, вынуждающим притереться к обстоятельствам. Уж очень Александру Павловичу нужны были деньги.

– Ишь, особа царская, ну да мы люди не гордые, – прошептал Иван в сторону и принялся за обязанности сдатчика. Первым действием необходимо было выбрать место за столом – Лазарь остался, где сидел, так как корнет всем своим видом выказывал недовольство, что приходится делить игру с таким отребьем, и явно не собирался менять кресло.

Ванька тщательно перетасовал колоду, соперник не сводил с манипуляций его рук цепкого взгляда, свои шулерские привычки Лазарь применять не решился.

– Не пьет, – обратил он внимание на пустой лафитник корнета, отставленный в сторону.

Раздав каждому 12 карт пакетами по две, Иван едва сдержал эмоции, осмотрев, что выпало.

«Фарт, похоже, поднялся в трактир перекусить, – подумал игрок, отметив, что фигурных карт, ценностью в 10 и более очков, ему выпало всего две».

Александр сделал первый ход, выложив короля пик, Ивану пришлось скинуть девятку той же масти. Эту взятку он проиграл, как и следующие четыре, корнету явно везло, так как выигрывал он целыми комбинациями. Лазарь то проиграл поинт из трех карт, то секвенцию, где три последовательно выложенные карты одной масти оказались равными у соперников, но у корнета была карта старше.

Шестой ход был решающий, партии конец, если Иван не возьмет ни одного очка. Александр шепнул что-то половому, тот немедленно отлучился. А корнет, явно предвосхищая победу, добавил своему надменному выражению лица подобие улыбки, больше напоминающей оскал, и выложил на стол группу из трех валетов, опять проведя тростью вдоль шрама. Лазарь в душе просиял, так как за пять доборов карт из колоды сумел сложить группу из дам, и ему было, чем покрыть этот затянувшийся триумф неприятного типа, навязавшегося в соперники за игровым столом. Отделив нужные карты, он приготовился эффектным жестом бросить их поверх валетов, как увидел, что половой позвал ту самую светловолосую девушку, неожиданно захватившую, было, в танце внимание Лазаря.

– Неужто рыжая ей про мой интерес шепнула, – прошептал Ванька, – не зря я ей пятьдесят копеек насыпал, – похвалил сам себя, так и держа тройку дам над столом, еще не открыв их сопернику. Все его внимание заняла эта девушка, лицо которой еще было сложно рассмотреть, она склонила голову и волосы скрывали ее лик.

Девушка остановилась не подле кресла Ивана, как он надеялся, она замерла рядом с корнетом, тот свободной от трости рукой потянул ее за запястье и усадил на колени. Она покраснела и бросила испуганный взгляд на Ваньку, того будто обожгло каленой кочергой. Он уже видел эти глаза: только смотрели они ласково, он уже видел и это лицо, только совсем девичье. Ванька не мог поверить – он узнал Аннушку, ту самую дочь кухарки, которая тайком подкармливала его и открыла страшное про убиенного служивого на дне колодца. Ведь именно те события перевернули судьбу крепостного крестьянина, как считал Иван, к доле более завидной. Похоже, что и его узнали. Губы Аннушки дрогнули, словно слова или возглас удерживая, глаза округлились, в них заплясал огонек от пламени свечи.

– Что уставился? – Корнет выказывал нетерпение в ожидании, пока Иван карты покажет.

– Э, вот, – без всякого представления, все еще не сводя взора с лица девушки, положил Лазарь дам на стол.

– Пошла прочь, – разозлился Александр Павлович и спихнул Аннушку с колен, но дернул за руку, не позволяя уйти совсем, – дадим тебе шанс, проверим, на кой черт ты мне сдалась, молись, чтоб опять удачу не спугнула.

Лазарь явно пришел в какое-то рассеянное состояние, долгожданное очко в партии, добавленный к кушу рубль, раздача карт, оценка комбинаций, все шло как в тумане. Он в основном проигрывал куши, хотя все еще держался в игре, на Аннушку не смотрел, но всецело ощущал рядом ее присутствие.

«Вот бы хоть парой слов перекинуться, – думал он».

И шанс представился, когда корнет, довольно осмотрев выигранный банк и поручив половому приглядеть за столом, удалился, как обозначил на короткое время.

– Аннушка? – Иван встал и подошел к девице.

– Егорка?

– Да, – он потянулся взять ее за руку, но она вздрогнула испуганно, – я нынче Иван, но потом, – махнул он рукой, сразу заметив вопрос в глазах девицы, – но как же ты здесь, а не у барина на кухне?

– Да что уж тут рассказывать, Егорушка, судьба ведет меня к обрыву, – в глазах Аннушки блеснули слезы, она показалась Ваньке самым прекрасным существом из всех, что он видел.

– Забудь Егора, он у барина остался служить, а свободный, как перекасти-поле, ноне Иван перед твои очи явился, и мы с тобой... – Он не успел договорить.

– Случайно встретились в грязном трактире, – горько усмехнулась она. – Нам нельзя разговаривать. Этот Александр разозлится, а я должна быть послушной, жизнь моя не мне принадлежит.

– Как говоришь ты, будто узоры из слов рисуешь, – удивился Иван, – уху красиво, а голове непонятно. Что стряслось?

– Жизнь моя кончена, сказывать нечего.

– Бежим со мной! – Лазарь произнес слова раньше, чем такое решение пришло ему на ум. – Сердцем говорю без всякой выгоды. Раз жизнь кончена, давай вместе в новую кинемся. – Он искренне не мог понять, в чем горе Аннушки, зачем быть там, где плохо, если можно иначе. Каждый день Ваньки был наполнен неопределенностью, ясности, чем закончится для него очередное дельце никогда не было, но, так и не попавшись, уверовал вор, что фарт стал его ангелом хранителем. Но, бога боясь, голосом сказать этого не мог раньше, а сейчас вот голову при виде Аннушки потерял: – Моего фарта на двоих хватит! Я вот только теперь обязательно выиграю, как закончим с корнетом, я буду ждать тебя на конюшне, телегу найму.

– Не выиграешь ты, у него все прикормлены, колоды вроде новые половой дает, а, может, и меченые, ведь он заодно с этим Буракиным.

– Кто это?

– Так Александр этот, он бастард, но выдает себя за признанного старым князем Буракиным в наследниках. В деньгах постоянно нуждается, хитрый и злой.

– Так чего ж трость свою не продаст, коли деньги нужны. Она ж вона как блестит, поди золотой набалдашник-то. – Удивился Иван.

– Про трость он мне пьяный путаное что-то сказывал, что папашкин сын его ножом поранил, когда, играя, в драку сцепились отроками, вот отец ему трость свою отдал, но из дома отослал к какой-то бедной дальней родственнице в далекое имение. Он ее хранит, как укор отцу.

– А с тобой как сошелся?

– Ему меня в счет долга отдали, будто вещь. Ох и зря я поверила тому студенту, что... Да теперь не важно, – она провела ладонью по лицу.

– Но я не тот студент, и честнее этого их сиятельства выдуманного, – Иван то ли в пылу азарта вечера, то ли от неожиданности и радости от встречи, говорил с жаром, призывающим верить ему. – Я один: сегодня тут, завтра там! А у тебя горе в очах, зачем с ним оставаться?

Бежим нынче ночью вместе! Приходи, я буду ждать, сколько надо. – Произнес он и едва успел отпрянуть на расстояние от лица Аннушки, завидев, что знакомые сапоги Буракина показались на лестнице из трактира. Оба заговорщика в миг разошлись по разные края игрального стола, надеясь, что их беседа осталась тайной.

С того мига, как с Аннушкой парой фраз перекинулись, фарт будто сделал поворот в сторону вора-карманника. Что ни сдача, то короли, дамы, валеты, достоинством по десять очков, попадали в руки Лазаря, будто с помощью чародея незримого. Нежданно повезло и карт-бланшем, когда все 12 карт составили простые нефигурные, добавив сразу десять очков сдатчику. Корнет злился и не скрывал неприязни, но Ивану не до того было.

– Фарт вернулся, значит, все правильно я с Аннушкой задумал, – шептал он, на девицу стараясь не глядеть вовсе.

– Сто очков, – объявил половой победу Лазаря.

Буракин в бешенстве вскочил из-за стола, разметав монеты и карты набалдашником трости. Не взглянув ни на кого в зале, он устремился к лестнице наверх, таща Аннушку за руку за собой.

Иван выпил настойки из лафитника, протянутого смотрителем их стола, сгреб выигрыш, раздал монеты и половому, и девицам, тут же на него кинувшимся, да и в каком-то смятении вышел на улицу. Было уже темно, Лазарю показалось, что перед глазами марево или рябь, будто туча с неба опустилась на голову. В висках трещало, ноги стали ватными.

– Перекрутил меня бес с этими картами, – выругался он и пошел к конюшням выяснять про телегу или экипаж в наем, но тропа перед ним убегала и сливалась с забором, мочи идти почти не было, но он силился исполнить задуманное и не упасть. С трудом добрел он и позвал, едва ворочая языком.

– Есть кто?

Но только лошади в ответ выпускали ноздрями с бурлящим звуком воздух, перестукивали копытами, шумно жевали овес.

В следующий миг что-то тяжелое обрушилось на голову Лазаря, он рухнул лицом в стог сена.

– Молодец Анька, не соврала девка, один и деньги при нем, – уловил угасающим сознанием чей-то грубый хриплый голос Иван, чувствуя, что кошель за кушаком кто-то вырвал. Из последних сил он приоткрыл глаз и увидел, как этот кто-то забирает его мешок с монетами, перехватив знакомым жестом трость с блеснувшим золотом набалдашником. Следующий удар, наверное, тем самым набалдашником, разорвал кожу от левого уха до глаза и выбил остатки сознания из почти бездыханного Лазаря.

Глава 4

– Ах вот ты кто, князь Буракин, стал-таки признанным сиятельством, – встряхнув головой, отгоняя воспоминания, произнес Иван. Он сорвал повязку с глаза, чувствуя, как тупая ноющая боль в виске, не отпускающая, кажется всю сознательную жизнь, появилась вновь. – В нашей с тобой схватке пока счет не в мою пользу, но у меня в следующей партии преимущество, ты вряд ли меня вспомнил и узнал, уверенный, что я перед Господом, – он невольно глянул на повязку в руках. – Что ж, поглядим, кто кого на этот раз.

Почти десять лет миновало. Лазарь тот день и всех его участников лютой ненавистью припечатал и запрятал в памяти. Но и должное отдал полученному уроку, укрепившему учение Васки Голого – ни к кому не привязываться, бабам не верить, с лихом игры не затевать.

Такие мысли озвучивал едва слышным шепотом Иван, широко шагая в сторону своего имени в Зарядье на окраине города. Идти меж тем было совсем недолго, через широкие торговые ряды Красной площади, забирая в сторону от реки.

Дом у Ивана Лазаря был богатый, каменный, будто дворец. Состоял из двух половин – подклеть – первый этаж – отдан для челяди и гостей прошенных, а, бывало, что и случайных, второй – под палаты хозяина. Был еще один этаж – тайный, подземный. Его устроил Иван, помня тот трактир с подпольной игровой залой. Устроил все внутри также красиво, даже более роскошно, чтобы вернуться захотел любой гость, пусть и картежник не только по азартной привычке, но и для отдыха в ярком убранстве, так отличающемся от обычных внутренних интерьеров городских домов. Но сейчас, когда пошла погоня за Васькой Голым, Лазарь игорные увлечения прикрыл на время, не нужно было случайных людей допускать до земли своей, пока дело не решится. А теперь еще и капитан драгун столичный станет нос везде засовывать. Обождать – самое верное.

Хозяйки в доме также не было. Женки наведывались лишь для радости короткой хозяйина, никого постоянного Ванька к себе не приближал – предательство Аннушки раной незаживающей сердце обожгло, да все никак не отпускало, не давало вздохнуть свободно без тяжести этой проклятушей, не позволяло довериться.

Жалованье агента сыскного приказа полицмейстерской канцелярии было скромным, но Иван за прошлую жизнь скопил награбленного изрядно, потому и не стал таиться в избе крестьянской. Спустил на дворец и на внутреннее убранство золота и серебра, не считая. Мебель заморскую по углам расставил, стены шелком убрал, картин поверх развесил с разными яркими сказками из стран дивных, в коих сам никогда не был, но читал сказания, по сему и нарисованному верил. Знал, что есть там все те диковины, что изографы, красок не жалея, запечатлели.

– Что барин? – Кинулся встречать камердинер, порываясь схватить батогу, но в руках хозяина была только повязка для глаза. – Али приключилось чего?

– Приключилось, тут мыслить надобно, – ответил Иван с мрачным лицом. – Подай мне в кабинет, – распорядился он, уверенный, что Фрол понимает его прекрасно. Место камердинера тот выбрал себе сам, когда после незалеченного увечья перестал быть полезным в затеваемых Иваном делах. Одна нога у Фрола служить отказывалась, он приволакивал ее за собой, и Лазарь привык к этому шаркающему по полу шуму, как к чему-то уютному, домашнему. Съеденный за несколько лихих лет пуд соли сблизил этих двоих, крепче крепкого. – Но сперва позовика мне их сиятельство.

– Опять ты этого Василия бездельника привечаешь, – Не скрыл раздражения Фрол. – Он же только щи твои хлебать готов, да на камзолы новые кланчить.

– Ты позови, мне твои напутствия сейчас не нужны, – ответил Лазарь, но без злости, скорее стремясь не развить перебранку. – Вечно ты к нему цепляешься, а он нужен, сам знаешь.

– Нужон – не нужон... Тоже мне птица! Прихлебатель и павлин, – проворчал камердинер, но уже скорее без раздражения, а типично, если разговор касался жильца дворца Лазаря, и вышел исполнять поручение.

В обычное время Иван Прокопыч завел в привычку пройти через свои покои неспешно, любуясь убранством. Полностью все постройки и обстановка были завершены не далее года назад, поэтому он пока не уставал восхищаться сотворенным.

– Вот, Аннушка, знала бы ты от чего отказалась, – шептал, будто мантру, прохаживаясь по комнатам и залам.

Но сегодня было не до вздыханий. Иван стремительно вбежал по роскошной лестнице красных пород дерева, полукругом спускающейся к ногам, в кабинет на второй этаж.

Едва скинул камзол, да сел в кресло, как уже и Фрол привел Василия Игнатьевича. В свои двадцать с небольшим лет единственный сын абсолютно промотавшегося графа Шумильского уступил пришедший в полный упадок фамильный дом безродному Ивану Лазарю. И вот уже три года, как был весьма рад принятому решению о продаже. Совершенно обветшала постройка, стоящая на просторном участке земли, почитай под стенами Кремля, пришлась по сердцу в прошлом авторитетному вору. Меж тем Василий, получивший от отца в наследство

утонченные черты лица и азарт, стремительно прокутил оставшиеся после уплаты долгов средства от продажи имущества.

По уговору с Лазарем граф занимал две комнаты на стыке хозяйской и гостевой половин дома – был такой промежуточный полуэтаж в усадьбе, образующий отдельную пристройку с эркерными сводами окон, в который вела недлинная анфилада от лестницы. Обе стороны такое соседство устраивало. Шумильский был прекрасно образован и в качестве уплаты за возможность сводить концы с концами в некогда отчем доме, восполнял пробелы Лазаря в знаниях: языках и точных науках, разумеется, в тех масштабах, в которых успел разобраться сам с гувернерами до момента, пока батюшка мог выплачивать им жалованье.

– Что за кручина, Иван Прокопыч, лицо тревожит? – Василий любил изъясняться все книжными оборотами. К новому владельцу фамильного гнезда он неприязни не испытывал. Наоборот, присутствовало в душе графа некое благоговение от осознания, что этот простой холоп дослужился до высот, никому из крепостных недоступных, при этом не жаден был и на шалости Василия глаза закрывал. А состояние нажил на зависть многим аристократическим фамилиям. – Чем опечалены, кто посмел ослушаться?

– Ты меня, Вася, того, не муди. Ты дело слушай и запоминай, что нужно.

– Я весь внимание, – подался он вперед из кресла навстречу говорившему.

– Ты там возьми, сколько нужно, но без безобразия, и по салонам, балам, да приемам знати покрутись. Чай не забыл туда ход? – Сощурил он здоровый глаз в то время, как око с пеленой оставалось недвижимым.

– Так как же-с забыть? Для графа Шумильского нет закрытых домов. Связи имеем-с.

– То и славно. Там на приемах и балах непременно или сам будет, или о нем сказывать станут, так ты уж ухо остро, все запомни да выпроси, что знают. Да мне на доклад слово в слово чтоб. – Он погрозил ветренному графу, насупившись. – И с картами внимательней, без кушей, как вы Шумильские любили когда-то: до последней рубахи. Только так по низкому краю, чтоб в беседах быть и на хорошем счету за игральным столом.

– C'est le printemps^{3*}, – лицо Василия Игнатьевича не скрывало удовольствия от полученного задания.

– Alors allez-y et occupez-vous^{4**}, – Иван откинулся в кресле, давая понять, что аудиенция окончена.

Шумильский подскочил и, чуть не выдав пируэта танцевального, горя радостью от полученного задания, к дверям бросился, отчего локон его темных волос выбился на ровный лоб. Как вдруг Василий Игнатьевич обернулся.

– А о какой персоне должен я речи заводить, кого в залах высматривать, кто эта или этот la mystérieuse personne^{5***}, с кем мне надлежит знакомство свести?

Лазарь на миг задумался, словно ему сложно было выговорить.

– Александр Буракин – сын какого-то князька столичного. Да выясни один он, или девка при нем?

– Вы о мадам Буракиной?

– О мадам, – мрачно согласился Иван. – Мне нужно знать о нем и его семье все. Ты понял?

– Не сомневайтесь, – также на родном ответил Шумильский, кивнул и выпорхнул из кабинета.

Покончив с поручением, Лазарь задумался. Он был уверен, что узнать его Александр Павлович не мог, да и думать скорее всего забыл о когда-то убиенном на конюшне позади

³ * Это всенепременно (фр.)

⁴ ** Так иди и занимайся (фр.)

⁵ *** Таинственная особа (фр.)

постоялого двора холопе. А нынче он птица высокого полета, вот и надобно прикинуть, как крылья подрезать этому стервятнику.

– Отобедать изволишь? – Заглянул в кабинет Фрол.

– После, – Иван махнул рукой камердинеру, приглашая войти.

– Наши с торговых сказывают, что ушел Голый.

– Ушел гад, – мрачно подтвердил Лазарь. – А мне его до зарезу надобно сдать, да не одного, а всю банду.

– Оно и хорошо б, а то стали залетные нам поперек идти. Голый нынче возомнил, завел привычки новые, купцов с обозами на подъездах к ярмарке страшит, нас опережая, а сам в стороне. В банду свою активно зазывает, артельщик. – Лицо Фрола скривила брезгливая гримаса.

– Заматерел Васька, принципы поменял, что ж, оно и нам лучше.

– Да чем же это? Проку не вразумлю.

– Слухи про Москву до Петербурга дошли, прислали дознавателя. Он за каждым шагом моим следить будет. Он умен, а мы хитрее, да и город наш! Где ему тут сладить, ежели я каждую моську лиходейскую, каждую тропинку подпольную, да оконце узкое знаю, и меня все знают. Пусть в столицах своих распоряжается. Вот нам и на руку по всем кляузам да подозрениям ему Голого сдать. А мы как есть с краю, мы свое дело сделали – изловили изверга. Милости просим, разбирайтесь. – Он, наконец, ощутил, что горечь от провала на ярмарке от сердца отлегла. Продолжил с воодушевлением: – А поступим мы способом новым, пустим слух, что едет на ярмарку богатый обоз, так чтобы Голый интерес проявил, пообещает купчина принести дань, куда приспешник Васькин велит, да в след за ним и направимся. А еще и за лиходеями Васькиными приглядим. На большой куш он мелкую сошку не отправит, даст бог накроем разом всех, да сдадим полицмейстерам. Еще и по другим подозрениям поличное⁶

⁶ * Поличное – улики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.